

ДЕКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ

От Желтоксана до «Невады — Семипалатинск»: как Казахстан помнит историю протеста

Сара ЭШКРОФТ

менее минуты назад

 Сделать приоритетным в Google

Один из митингов против ядерных испытаний в Казахстане. Архивное фото

Заккрытие Семипалатинского ядерного полигона четверть века назад, 29 августа 1991 года, не только поставило точку в более чем сорокалетней истории советских ядерных испытаний. В последние годы существования СССР антиядерное движение «Невада — Семипалатинск» объединило тысячи людей, выступавших за прекращение испытаний. Это стало одной из важных страниц в истории общественных движений Казахстана. Редакция Азаттык Азия поговорила с Камилой Смагуловой, представляющей новое поколение исследователей

Центральной Азии, которые рассматривают историю советского периода через призму деколониального подхода.

В центре исследований Камиллы Смагуловой, докторантки Лейденского университета в Нидерландах и соавтора посвященного Центральной Азии подкаста *Chat in the Yurt* — история гражданских движений в Казахстане и люди, чьи голоса и опыт нередко оставались за пределами устоявшихся исторических нарративов. В первую очередь, движение «Невада — Семипалатинск», которому посвящена ее докторская диссертация.

В интервью Азаттык Азия Смагулова прослеживает связи между движением «Невада — Семипалатинск», Желтоксаном — декабрьскими протестами 1986 года — и современным гражданским активизмом.

Смагулова поделилась результатами своих исследований относительно того, как формировалась культура гражданского сопротивления в позднесоветском Казахстане, насколько применима к этим движениям деколониальная оптика и где проходят ее границы.

| Чем известно антиядерное движение «Невада — Семипалатинск»

Антиядерное движение «Невада — Семипалатинск» возникло в Казахстане в конце февраля 1989 года по инициативе казахского поэта и общественного деятеля Олжаса Сулейменова. Датой его основания обычно считается 28 февраля, когда в Алма-Ате состоялся массовый антиядерный митинг.

Главными целями были прекращение испытаний и закрытие Семипалатинского испытательного полигона, а также помощь населению, пострадавшему от радиационного воздействия, и восстановление загрязнённых территорий.

Движение стало одним из первых крупных организованных антиядерных движений в Советском Союзе и получило широкую общественную поддержку. Его участники проводили массовые митинги, собирали подписи против ядерных испытаний, организовывали конференции. Важной частью работы стало международное сотрудничество. Казахстанские активисты установили связи с антиядерными организациями и активистами из других стран, в том числе из американского штата Невада, где также находился крупный ядерный испытательный полигон.

Эта кампания сыграла существенную роль в усилении давления на советские власти и борьбе за прекращение дальнейших испытаний. Последний ядерный взрыв на полигоне состоялся в 1989 году. 29 августа 1991 года Семипалатинский ядерный полигон был

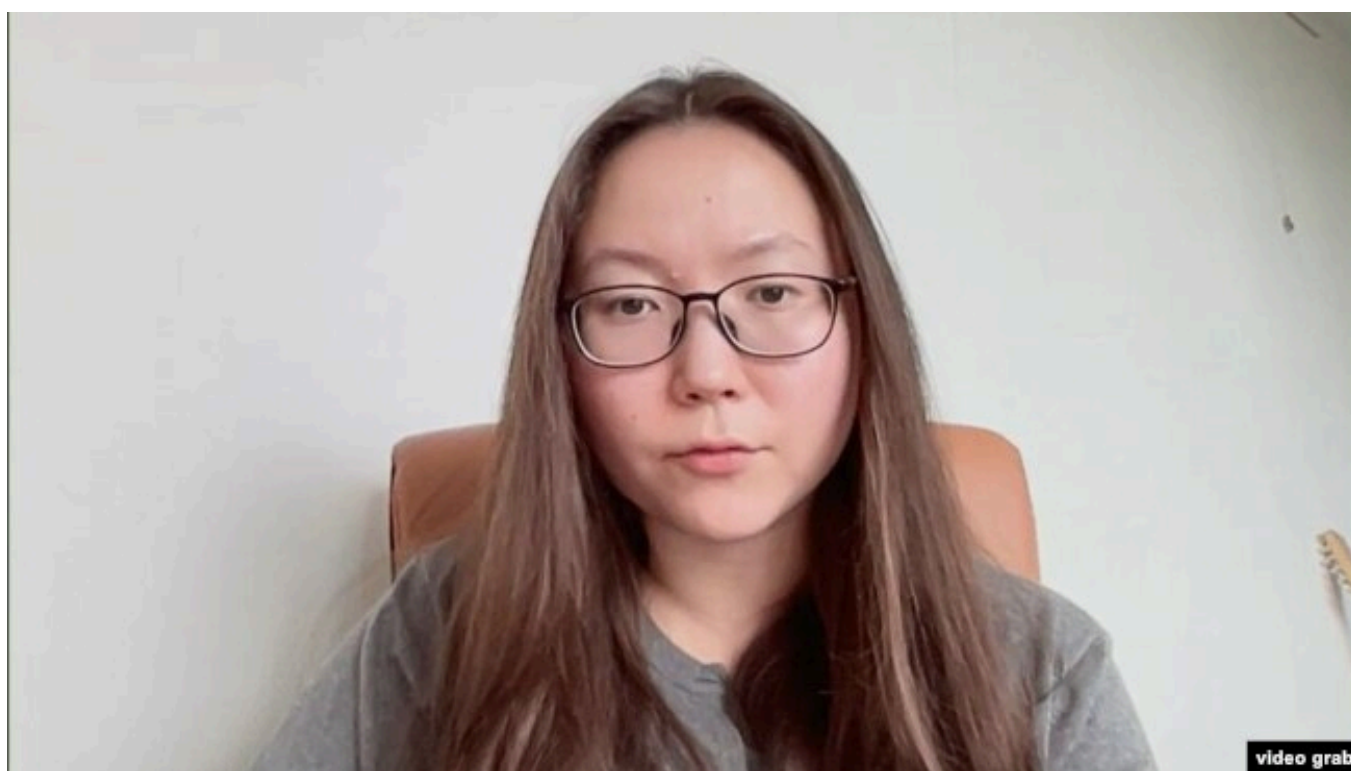
официально закрыт. Всего с 1949 по 1989 год на полигоне было проведено 456 ядерных испытаний, 116 атмосферных и 340 подземных.

О значимости позднесоветских протестов в Казахстане

Азаттык Азия: С какими главными заблуждениями относительно истории протестов в Казахстане вы сталкиваетесь — особенно за пределами Центральной Азии?

Камила Смагулова: Я думаю, главное заблуждение в том, насколько в исследованиях позднесоветских протестов в целом остается без внимания гражданское сопротивление в Центральной Азии.

Азаттык Азия: Желтоксан 1986 года часто называют определяющим моментом современной истории Казахстана и антиимперского движения, а иногда — началом деколониального пробуждения страны. Насколько такое описание соответствует тому, что показывает ваше исследование?

Камилла Смагулова, докторантки Лейденского университета в Нидерландах

Камила Смагулова: Я бы не называла Желтоксан началом деколониального пробуждения. Это один из поворотных моментов — в современной истории таким моментом стал Кантар 2022 года или до него Жанаозен 2011 года.

Но я бы не представляла его как начало деколониального пробуждения, потому что, как мне кажется, его корни уходят немного дальше — например, в 1950-е годы. Я даже не возвращаюсь здесь к автономии **Алаш** .

И в 1960-е такие писатели, как Мухтар Ауэзов или Олжас Сулейменов, также пытались переосмыслить национальную историю и саму идею нации, оставаясь при этом в рамках советской идеологии.

Поэтому я бы сказала, что Желтоксан, вероятно, стал таким импульсом, возникшим в довольно турбулентное время.

Возвращаясь к тому, почему я говорила, что протесты в Центральной Азии остаются без должного внимания: была статья — к сожалению, не помню точно, в каком именно западном медиа, — о протестах, которые привели к распаду Советского Союза. Там упоминались **Балтийский путь** и многочисленные протесты на Южном Кавказе. Однако события 1986 года в Казахстане туда не вошли.

Вероятно, это был протест иного типа, а национальные движения в Казахстане не получили такого развития, как, например, в странах Балтии, но в масштабах Советского Союза того времени это все равно был довольно неожиданный поворот событий. Именно поэтому в ответе на ваш предыдущий вопрос я упомянула это как одно из заблуждений [исследователей].

Я действительно считаю, что это был один из ключевых моментов XX века и, вероятно, один из самых ярких, потому что это был протест, сопровождавшийся насилием и подавленный советской властью и милицией.

В то же время мы до сих пор не знаем всей правды. Есть официальные цифры. Но если вы поговорите с людьми, родившимися в Казахстане — тогда еще Советском Казахстане — примерно в 1960–1970-е годы, и спросите их: «Как вы запомнили декабрь 1986 года?», многие расскажут вам собственную историю независимо от того, находились ли они тогда на площади в Алматы или в других местах Казахстана.

Антиядерный протест и колониальная оптика

Азаттык Азия: Еще один важный пример — движение «Невада — Семипалатинск». Его часто вспоминают как одно из первых антиядерных движений в Советском Союзе. Насколько, на ваш взгляд, его можно рассматривать через призму колониализма?

Камила Смагулова: Именно этой теме посвящена моя докторская диссертация. И я думаю, что представлять это движение как антиколониальное было бы не совсем справедливо.

Если вернуться к самому движению и к тому, как его идеологические лидеры — например, Олжас Сулейменов — его определяли, далеко не все они говорили о Советском Союзе как о колониальной державе.

Казахский поэт и общественный деятель Олжас Сулейменов в период деятельности движения "Невада - Семипалатинск"

Я бы скорее сказала, что для некоторых участников движения это было именно антиколониальное сопротивление, и так его интерпретируют некоторые

исследователи уже в современном контексте. Однако для многих людей, участвовавших в движении, вероятно, все было несколько иначе.

Я не хочу продвигать нарратив о том, что «Центральную Азию игнорируют [в исследованиях]», потому что, думаю, мы устали от самого этого представления. Однако я бы отметила, что «Невада — Семипалатинск», безусловно, остается недостаточно заметным в контексте глобального антиядерного сопротивления и движений за мир.

Именно поэтому в своей докторской диссертации я рассматриваю его не обязательно как сопротивление Советскому Союзу, а в контексте глобального движения за ядерное разоружение и того, насколько важным оно было в тот период.

Период его активной деятельности составил всего год– полтора. Хотя движение существует до сих пор и у него есть офис в Алматы, пик его активности пришелся на конец 1980-х — начало 1990-х годов: с февраля 1989 года, когда движение было официально создано, до 1991 года, когда Семипалатинский ядерный полигон был закрыт.

Азаттык Азия: Хотя Семипалатинский ядерный полигон закрыт, последствия испытаний по-прежнему сказываются на жителях региона. Как это влияет на то, как люди воспринимают наследие советского периода?

Камила Смагулова: Это очень хороший и сложный вопрос, и ответ зависит от того, кого вы спрашиваете. Потому что пострадало очень много людей — не только на востоке Казахстана, в бывшей Семипалатинской, нынешней области Семей, но также на северо-востоке и в центральной части Казахстана.

И мне кажется, что в целом нарратив в значительной степени отсутствовал: эти люди десятилетиями оставались невидимыми и остаются такими до сих пор.

Многим из тех, кто является вторым, третьим и даже четвертым поколением пострадавших, очень трудно доказать, что их проблемы со здоровьем связаны с ядерным полигоном.

Есть замечательная активистка из Семей Диана Мурзагалиева, которая, насколько я знаю, является пострадавшей от атомных испытаний уже в четвертом поколении и родилась в независимом Казахстане. Последствия для ее здоровья — например, она долгое время не могла говорить — связаны с радиацией. И доказать такую связь на институциональном уровне совсем непросто.

Поэтому я бы сказала, что для людей, непосредственно столкнувшихся с этими последствиями, — и это лишь мое предположение — колониализм и все, что с ним связано, возможно, даже не является главным вопросом. Я не думаю, что у них вообще есть возможность размышлять об этом ежедневно, пока они борются за свои права, за качественную медицинскую помощь и так далее.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

«Цена, которую платили люди, никого не волновала». С Тогжан Касеновой — о Семипалатинском полигоне и «мирном атоме»

И я думаю, что во многом задача активистов и исследователей — делать эту работу для них или вместе с ними. Не лишая их субъектности, но одновременно пытаюсь осмыслить, как их нынешнее положение формирует отношение к этому наследию.

Потому что на протяжении многих лет, десятилетий Семипалатинский полигон был засекречен — например, Курчатова нельзя было найти на карте. И все это не описывалось в терминах колониального комплекса — военно-промышленного комплекса, например, — а слово «колониализм» упоминалось крайне редко.

Люди, десятилетиями жившие на этой земле, не знали, что происходит. К сожалению, многие из них просто научились принимать как данность то, что их соседи, родственники или члены семей умирают, сталкиваются с психическими заболеваниями.

От Желтоксана к современному активизму

Азаттык Азия: Какие связи вы видите между такими историческими движениями, как Желтоксан и «Невада — Семипалатинск», и современным гражданским активизмом? Есть ли они?

Камила Смагулова: Я думаю, этот вопрос стоит разобрать на нескольких уровнях, потому что сначала необходимо рассмотреть Желтоксан и «Неваду — Семипалатинск» в связи друг с другом, а уже затем — с современными движениями. Здесь существует много разных связей, через которые на это можно смотреть.

Например, если говорить о «Неваде — Семипалатинск» и в целом об антиядерном сопротивлении в связи с современными молодежными антиядерными

организациями, которые я упоминала ранее, здесь существует межпоколенческое сотрудничество.

Участники одного из антиядерных митингов в Казахстане в период деятельности движения "Невада - Семипалатинск". Архивное фото

И речь не только о «Неваде — Семипалатинск». Есть также люди, которые борются за справедливость, такие как Майра Абенова или Шакербану Мырзаханова, возглавляющие такие организации, как, например, «Полигон-21» ⁱ. Поэтому в данном случае речь идет о сравнительно недавнем движении, последствия деятельности которого ощущаются до сих пор.

Когда речь идет о Желтоксане 1986 года, история немного другая, потому что мы не можем сказать, что он оказывает столь же непосредственное влияние на людей, живущих сегодня. Однако многие участники протестов 1986 года потеряли работу, а судьбы многих из них сложились трагично.

Насколько я знаю, сейчас казахстанская документалистка Алия Ашим собирается снять об этом документальный фильм и написать книгу на основе воспоминаний, поэтому, возможно, в будущем это позволит нам узнать немного больше.

Если вернуться к связи между Желтоксаном и «Невадой — Семипалатинск», возникает парадокс: как получилось, что всего за три года нарратив настолько изменился? В Алматы многих протестующих подавляли, а три года спустя жители

того же города собираются перед Союзом писателей, у Дома писателей в Алматы, во время выступления Олжаса Сулейменова, чтобы сформировать движение.

Здесь существует множество переплетенных связей, потому что среди участников «Невады — Семипалатинск» были люди, ранее связанные с Желтоксаном и протестовавшие не обязательно против советской власти как таковой, а против назначения руководителем страны в то время человека неказахской национальности — Геннадия Колбина.

Поэтому я думаю, что эта связь во многом очень заметна и ощутима, а во многом — нет. Есть множество имен, которые, как мне кажется, нам еще предстоит открыть: людей, участвовавших и в антиядерном сопротивлении, таком как «Невада — Семипалатинск», и, например, в Желтоксане.

И эти люди живут не только в Алматы — сейчас они живут по всей стране, по всему Казахстану. Если говорить о том, как они влияют на современные движения, можно немного вернуться назад: сейчас, в 2026 году, я не уверена, насколько активной организацией как таковой остается [Oyan Qazaqstan](#) , но, например, в 2019 году для них было довольно важно вспоминать Желтоксан 1986 года как одно из предшествовавших их движению событий и включать его в собственный нарратив.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

Шесть лет акции «От правды не убежишь». Как живут сейчас ее авторы?

| История протеста за пределами элит

Азаттык Азия: Изучение социальных движений позволяет нам вернуть в историю опыт людей, которые часто оставались незамеченными, например, женщин. Как по-вашему, что может дать нам включение женского опыта в историю этих движений?

Камила Смагулова: Я не думаю, что это меняет наше понимание самих движений, но мы должны признать, что многие из этих протестов были очень гендерно обусловленными.

В этом контексте мне очень нравится работа моей коллеги, исследовательницы Центральной Азии Айгерим Камидолы, которая писала о гендерном характере

протестов Кантара 2022 года.

И я думаю, что многие истории по-прежнему отсутствуют. Если говорить о Желтоксане, есть такие известные имена, как Ляззат Асанова и Сабира Мухамеджанова. В то же время, как мне кажется, многих женщин лишают субъектности, потому что мужчины — участники протестов часто говорят, что вышли на улицы, чтобы защищать девушек, участвовавших в протесте. Такие слова принадлежат Кайрату Рыскулбекову, одному из известных участников Желтоксана, который умер в заключении.

Я не думаю, что это меняет наше понимание движения, но совершенно точно могу сказать, что его изображение остается гендерно обусловленным и в этом нарративе нам не хватает множества женских имен. Добавлять их истории и их голоса очень важно.

И это касается не только Желтоксана. То же самое относится к «Неваде — Семипалатинск» и многим другим движениям, в которых женщинам-протестующим или активисткам не предоставляют достаточной субъектности и не отдают должного их роли в формировании или создании этих движений.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

«Мы первыми восстали против советского режима. Балтия и Кавказ вышли после нас». Истории участников Желтоксана

Азаттык Азия: Нужно ли применять такой же подход и к протестам XXI века, а не только к историческим движениям?

Камила Смагулова: Безусловно. Я думаю, если говорить о более крупных политических протестах — потому что существуют также многочисленные женские протесты и женские движения, которые в контексте Казахстана, например, часто объединяют матерей, вдов и так далее, — нам необходимо учитывать этот аспект.

Нам необходимо критически смотреть на протесты прошлого и признавать, что во многих отношениях они были довольно гендерно обусловленными. Но нам также необходимо смотреть на современные протесты и искать больше женских имен.

Азаттык Азия: Изменилось ли ваше собственное отношение к этим движениям с начала исследования? Есть ли что-то, в чем работа с материалом заставила вас усомниться?

Камила Смагулова: Это очень интересный вопрос, который я продолжаю задавать себе каждый день. Я не думаю, что мои основные убеждения изменились — в том, как я смотрю на эти движения, и на то, как о них вспоминают.

Я по-прежнему считаю, что они недостаточно представлены в публичном пространстве и в том, как мы помним XX век, особенно его последние десятилетия.

Потому что в историческом нарративе в первые годы политики [первого президента Казахстана Нурсултана] Назарбаева по национальному строительству советское прошлое было несколько отодвинуто в сторону, а идеология решила сосредоточиться на более масштабных событиях, которые могли бы способствовать формированию казахской национальной идентичности.

В то же время в истории советского Казахстана остается очень многое, что нам еще предстоит открыть.

Мои основные убеждения не изменились, но то, как я смотрю на эти движения, на протестующих, на элиты, на конкретные имена, — об этом я постоянно размышляю.

Думаю, то, чего я раньше не замечала и в чем теперь уверена, — это то, сколько имен простых участников, активистов, нам необходимо вернуть в этот нарратив. Это очень важная часть того, над чем я сейчас работаю.

Я убеждена, что в будущем, говоря о многих из этих протестов, нам необходимо думать о людях за пределами элит, больших городов и центров.

This item is part of

Казахстан

Центральная Азия

Окружающая среда

Деколониальный поворот